

Д А Н Т Е С

(по материалам гончаровского архива) ¹⁾

Собранные в книге П. Е. Щеголева „Дуэль и смерть Пушкина“ отзывы современников о Дантесе рисуют его довольно дружно, как легкомысленного красавца-офицера, веселого и остроумного, порою черезчур развязного и заносчивого, с склонностью к фатовству и расточительности. Сам исследователь не считает возможным принимать на веру воспоминания о Дантесе и находит нужным проверить их по сохранившимся документам: „Личности убийцы Пушкина необходимо посвятить особую статью, так как все, что мы знаем о нем до сих пор по рассказам и сплетням, далеко отстоит от засвидетельствованной документами действительности“—пишет П. Е. Щеголов в статье „Последняя дуэль Пушкина“ ²⁾.

Однако, рассказывая биографию Дантеса в посвященной ему главе исследования о дуэли и смерти Пушкина, П. Е. Щеголев всего несколькими строками

¹⁾ Документы быв. архива Гончаровых из имения „Полотняный Завод“ (Калуж. губ.) в настоящее время находятся в „Архиве Народного Хозяйства, Культуры и Быта“ в Москве.

²⁾ Изд. соч. Пушкина под ред. Венгерова, т. 6.

характеризует его личность, при чем целиком повторяет отзывы современников:

„Своими успехами он обязан был и покровительству Геккерена и собственным талантам. Красивый, можно сказать, блестяще красивый, кавалергард, веселый и остроумный собеседник, внушал расположение к себе. Этому расположению не мешала даже некоторая самоуверенность и заносчивость“¹⁾.

В общем перед вами встает довольно типичная и даже шаблонная фигура, в которой блестящие внешние данные, гарантирующие успех в обществе, прикрывают собой ничтожность и пустоту внутреннего содержания.

Попробуем от этого установившегося понимания личности Дантеса перейти к реальным фактам его позднейшей жизни. Как известно, с 1845 г. по 1870 г. он является не только заметной величиной в политических и дипломатических кругах Франции, но делает действительно блестящую карьеру: член Генерального Совета Верхнего Рейна, он был избран народным представителем в Национальное, а потом в Учредительное собрание, где имел значительный вес. При водворении Империи, которому он сильно способствовал²⁾, Луи-Наполеон облакает его тайной

1) „Дуэль и смерть Пушкина“, стр. 28.

2) В 1850 г. Дантес примкнул к кружку политических деятелей, сторонников президента принца Луи-Наполеона. Французский историк (P. de la Gorce „Histoire du Second Empire“. Paris 1899) характеризует этот кружок такими нелестными чертами, что личности Дантеса не делает чести сближение с ним, тем более, что

миссией к дворам Вены, Берлина и Петербурга. Сорока лет от роду, он уже сенатор и играет крупную роль в дипломатическом мире, особенно успешно выполняя различные „щекотливые“, по выражению биографа, поручения своего правительства в сношениях с другими странами¹⁾. Мало этого—председатель Генерального Совета Верхнего Рейна, командор Ордена Почетного Легиона, он становится во главе целого ряда промышленных предприятий, железнодорожных компаний, кредитных банков и страховых обществ, возникающих в это время во Франции. Одно перечисление различных родов его деятельности и успехов говорит о каком-то незаурядном даровании, заложенном в его личности. Если, действительно, в пору молодости Дантес был только пустым и фатоватым гвардейцем, то откуда в нем позднее эта кипучая деятельность, ведущая его от одного успеха к другому? Невольно в личности молодого офицера начинаешь искать то зерно, из которого впоследствии

об искренней преданности племяннику Бонапарта со стороны Дантеса—давнего легитимиста—не могло быть и речи. Луи-Наполеон, потерпевший неудачу при попытке окружить себя лучшими элементами Национального Собрания, был принужден приблизить к себе людей, „готовых на все, лишь бы ожидаемая награда была велика“.

1) Примером могут служить порученные Дантесу тайные переговоры с Берлином, Веной и Петербургом по поводу принятия принцем-президентом императорского титула в 1852 г. О переговорах с Николаем I в Берлине в мае этого года и об аудиенции, данной царем Дантесу, см. А. М. Зайончковский. Восточная война 1853—1856 г. СПб 1908 г., т. I, стр. 340.

выросла фигура сенатора и банкира, фигура так характерная для Франции эпохи финансового и промышленного расцвета в период Второй империи.

Несомненно, что залог успехов, сопровождавших жизнь Дантеса, скрывался в том „практическом чувстве действительности“ (выражение его французского биографа Луи Метмана), которое его никогда не покидало. В соединении с постоянной потребностью деятельности оно развило в нем необычайную приспособляемость к окружающей обстановке в смысле извлечения из нее максимальной материальной пользы.

Если бегло просмотреть жизнь Дантеса, то эта приспособляемость поражает как в крупных ее событиях, так и в мелочах. Совсем молодым человеком он покидает родину, которая не может ничего ему дать, кроме жалкого провинциального прозябания, для службы в чужой и наверно презираемой России. Родную семью, с трудом перебивающуюся за недостатком средств, он легко меняет на богатого приемного отца, открывшего ему широкую дорогу к будущему. Так позднее, в политической жизни он изменит легитимистским привязанностям для нарождающейся Империи, которая вознаградит его за это блестящей карьерой. Эти три факта достаточно ярко показывают, как приспособляющаяся личность Дантеса, так или иначе, великолепно учитывала представлявшиеся выгоды положения и обнаруживала высокую степень „практического чувства действительности“. Фигура Дантеса—это столь характерная для буржуазной

Франции фигура „арривиста“, великолепно изображенная Бальзаком в десятках его романов¹⁾.

История постепенного вхождения Дантеса в русское общество, изображенная П. Е. Щеголевым, убеждает в том, что и в мелких жизненных поступках его не покидало умение извлекать из всего пользу и шаг за шагом отвоевывать себе все более заметное положение. В этом отношении очень интересен отзыв о нем Павла Петровича Вяземского, не присеженный в книге П. Е. Щеголева: „Молодой Геккерен был человек практический, дюжинный, добрый малый, балагур, вовсе не Ловелас, не Дон-Жуан, а приехавший в Россию сделать карьеру“²⁾. В отзывах других современников практический дар Дантеса часто определяется эпитетом „ловкий“ и находит отражение в общем признании его исключительного умения располагать окружающих в свою пользу.

Как пример можно привести характерный случай, о котором узнаем из письма Андрея Ник. Карамзина от 15 июля 1837 г. А. Н. Карамзин весь этот год провел за границей и знал только по письмам родных о дуэли и смерти Пушкина. С Дантесом ранее, в Петербурге, он был в дружеских отношениях и с трудом поверил его низкой роли в истории дуэли. Искренняя скорбь, вызванная в нем кончиной Пушкина, а также

¹⁾ Характерно, что современники сравнивали историю Дантеса и Пушкина с Бальзаковским романом. См. письма А. Н. Карамзина, Стар. и новиз., кн. 17, стр. 270.

²⁾ „Пушкин по воспоминаниям и док. Остаф. арх.“, Барт., т. II, стр. 68.

письма родных охладили его к прежнему приятелю. Летом 1837 года он случайно встретился за границей с высланным из России Дантесом, который был по-прежнему очарователен своим остроумием и веселостью в обществе. Дантес, очевидно, очень хотел восстановить прежние отношения с Карамзиным и быстро сумел подкупить в свою пользу молодого человека, скучавшего за границей по родной семье.

„Он меня совсем обезоружил, коснувшись моего слабого места,— писал А. Карамзин матери.— Он мне постоянно высказывал такой интерес ко всей семье, он мне так часто говорил про всех вас и про Сашу особенно, называя его по имени, что последние облака негодования во мне рассеялись и я должен был сделать усилие над собой, чтобы не обращаться с ним так же дружественно, как раньше. Зачем бы ему предо мною лицемерить? Он уже в Россию не будет, а здесь он среди своих, он дома, и я для него нуль“.

Отметим, что у дружески расположенного Карамзина все же мелькает мысль о лицемерии Дантеса и о возможности каких-либо корыстных расчетов с его стороны. Очевидно эти свойства находились в каком-то соответствии с очаровательной фигурой молодого Дантеса.

Имея в виду практичность Дантеса, как главную и рано обнаружившуюся черту его характера, интересно рассмотреть важный эпизод его жизни, связанный с именем Пушкина, а именно его женитьбу на сестре жены поэта Екатерине Николаевне Гончаровой. Была ли эта женитьба сознательно изобретенным

удобным выходом из создавшегося черезчур острого положения, или запутавшиеся обстоятельства помимо воли привели Дантеса к этому решению,—и в том и в другом случае ему предстояло мириться со многими отрицательными сторонами, которые женитьба несла ему с собою. Одной из таких сторон была материальная необеспеченность невесты. Вопрос о приданом Е. Н. Гончаровой и роли, которую Дантес играл в нем, до сих пор вовсе не был затронут, а между тем, несомненно, он имел свое, и не последнее место в истории этой свадьбы.

Что Гончаровы были почти бесприданницы—об этом хорошо было известно всем. Даже в официальном донесении о дуэли Пушкина (прусского посланника Либермана) мы встречаем такую фразу о свадьбе Е. Н. Гончаровой: „Хотя девушка не имела никакого состояния, приемный отец молодого человека дал свое согласие на брак“¹⁾. История с приданым Н. Н. Пушкиной также хорошо свидетельствует об этом. Правда, с 1830 года многое изменилось: умер владелец всего имения дедушка А. Н. Гончаров, и наследником его оказался душевнобольной отец Гончаровых, Ник. Афанасьевич; имение немедленно было отдано в опеку старшему сыну Дмитрию Николаевичу, употребившему все силы на его восстановление. Однако суть дела оставалась та же—имение, в конце разоренное и обремененное долгами, было в безнадежном состоянии. Как ни тяжело было материальное положение

¹⁾ „Дуэль и смерть Пушкина“, стр. 67.

семьи Гончаровых, при браке Е. Н. Гончаровой создались такие условия, что нужно было во что бы то ни стало напрячь все силы и дать невесте сравнительно приличное обеспечение. С свадьбой приходилось спешить, чтобы прекратить двусмысленные толки, распространявшиеся в обществе, и „спрятать все концы в воду“, как писала тетка невесты Загряжская. Возраст невесты делал сомнительным возможность в будущем столь же блестящей партии и также побуждал особенно дорожить успехом. Может быть особая любовь, связывавшая брата-опекуна со старшей сестрой¹⁾, также имела некоторое значение— во всяком случае семьей были приложены все усилия, чтобы удовлетворить требования жениха, который не замедлил их выставить.

Мы не знаем, учел ли Дантес все перечисленные обстоятельства, но практический ум его сумел извлечь из предстоящего брака всю возможную выгоду, наглядно обнаружив те свойства дельца и приобретателя, которым суждено было так широко развиваться впоследствии. По сохранившимся документам Гончаровского архива мы можем установить, что Дантес счел нужным обеспечить себе два обстоятельства: во-первых, он поставил условием ежегодную выплату его жене известной суммы, в виду того, что выделить ее часть имения до смерти больного отца было невозможно. Во-вторых, он захотел иметь гарантию

1) „Дуэль и смерть Пушкина“, стр. 312—314.

в том, что современем эта часть наследства без всяких препятствий перейдет к его жене, при чем желал строго фиксировать об'ем наследства.

Эти вопросы Дантес должен был выяснить с опекуном имения, Дмитрием Николаевичем Гончаровым, который к свадьбе приехал из Москвы в Петербург и привез официальное согласие родителей невесты. По первому выставленному Дантесом пункту опекун дал устное обещание выплачивать ежегодно сестре по 5.000 руб. асс., при чем 10.000 руб. были выданы немедленно на приданое невесте. По второму пункту Дантес хотел иметь нечто более прочное, чем устное обещание. Так как никакого имеющего юридическое значение акта Д. Н. Гончаров выдать Дантесу при жизни отца не мог, то было изобретено нечто среднее между официальным документом и частным соглашением. Все три брата невесты в присутствии трех приглашенных свидетелей составили так называемую запись, в которой изложили ряд обещаний, заверенных в заключение честным словом и обязательством исполнять запись также, как если бы она „дана и совершена была от крепостных дел“, т.-е. имела бы юридическое значение. Этот интересный документ с собственноручными подписями братьев и свидетелей сохранился в архиве Гончаровых (см. приложения, документ № 1); другой экземпляр его, очевидно, хранился у Дантеса.

Интересно установить, когда была дана эта запись. В бумагах Д. Н. Гончарова, относящихся к позднему времени, есть указание, что запись была дана

тогда же, когда и устное обещание об уплате 5.000 рублей ежегодно, т.-е. „в Генваре месяце 1837 г. при бракосочетании“. Свадьба Дантеса с Е. Н. Гончаровой состоялась 10-го января. Между тем запись начинается словами: 1837 г. февраля — дня (вместо даты черта). Следовательно, запись дана была уже после смерти Пушкина, вероятнее всего, когда выяснилась необходимость отъезда Дантеса из России. Может быть, при свадьбе вопрос был принципиально решен, в феврале же, перед отъездом Дантеса (Дантес уехал 19 марта 1837 г.), был лишь оформлен. Во всяком случае, в деле истории записи Дантес играл очень активную роль. Десять лет спустя Д. Н. Гончаров, составляя официальную записку с объяснениями по поводу денежных дел, связывавших его с Дантесом, так писал о документе 1837 г.: „Хотя и дано ему (т.-е. Дантесу) было от нас всех членов семейства удостоверение в обязательстве нашем выделить его жене, сестре нашей, 300 душ из имения отца нашего, но это было сделано нами не более, как по собственному его, Геккерна, настоянию и для убеждения его во всегдашней нашей готовности ничем не обидеть в свое время жену его, сестру нашу, при наступлении времени раздела имения нашего родителя после кончины его, когда она последует, и хотя тогда ему представляемо было от нас, что это наше удостоверение дается ему частным образом, по закону же русскому, изложенному в 1144 ст. X тома Зак. Гражд., мы не имеем никакого права подтвердить ему сию нашу готовность на таковой выдел

части из ожидаемого еще нами наследства никаких актов, в законную форму облеченных...“

Очевидно опасения Дантеса, что его жена при отъезде за границу и при общем враждебном отношении к нему после смерти Пушкина может быть обойдена наследством, вызвали в записи 1837 г. успокаивающую фразу, старательно подчеркнутую: „всякий член семейства без обиды один другому имеет получить ту часть, какая законом ему положена...“

Вместе с тем его предусмотрительность и расчетливость заставила братьев Гончаровых дать самоотверженное обещание на пополнение доли Екатерины из собственных частей в том случае, если она „не будет составлять полных триста мужеска пола душ“. Цифра триста душ давно укрепилась в расчетах семьи: еще дедушка Афанасий Николаевич при выходе замуж младшей внучки Натальи Николаевны за Пушкина предполагал ей, как и другим сестрам, выделить именно 300 душ из Нижегородского имения, о чем свидетельствуют бумаги того же архива.

Итак, своими настояниями Дантес сумел при самых неблагоприятных для него условиях обеспечить себе материальную сторону брака. То, что Пушкину при его женитьбе на одной из Гончаровых стоило стольких волнений и семейных сцен и кончилось им же данной ссудой в 10.000 рублей на приданое невесте,— то Дантесу при женитьбе на другой сестре удалось прочно закрепить не только для текущего момента, в виде выданных к свадьбе 10.000 рублей, но и на будущее время.

По другим документам архива мы можем проследить дальнейшую судьбу обоих обязательств, выданных братьями Гончаровыми Дантесу, как о выдаче денег, так и о выделе имения. Эти сведения значительно пополняют собранный П. Е. Щеголевым в его книге материал о позднейших отношениях Дантеса к России.

Сохранились подробные счета сумм, выданных баронессе Геккерен с декабря 1836 г. по 1848 г. Они показывают, с каким трудом и с какой задержкой производилась выплата обещанной суммы. Уже за 1837 г. сумма уплачивалась в шесть приемов в течение двух лет. За 1838 г. уплата производилась в течение 1839 и 1840 гг.; за 1839 г. уплачено было в 1841 г. После этого уплата совершенно прекратилась, дела пришли в такой упадок, что перед опекуном встал вопрос о продаже всего имения или его части. О планах относительно продажи и о расстроенных делах имения Д. Н. Гончаров все время информировал Дантеса, считаясь с его мнением, как с мнением равноправного участника в наследстве.

Между тем Дантес не находил нужным ставить в связь обещанную ренту с состоянием имения, что, естественно, делал Гончаров. К 1843 г. задержка денег начала его сильно беспокоить, и он, после бесполезного личного обращения к Гончарову, решил привлечь в посредники третье лицо, неизвестного нам влиятельного графа, которому незадолго перед тем Д. Н. Гончаров был обязан благополучным исходом какого-то судебного процесса. Граф запросил о сущности денежных отношений, связывавших баронов

Геккерен с Гончаровыми, и в ответ на этот запрос Д. Гончаров подробно изложил известные нам обязательства 1837 г. По сохранившемуся в архиве черновику письма Гончарова к графу (см. приложения, док. № 2) можно легко проследить, как сильно изменился взгляд его на данные обязательства. Он обещал продолжать денежную выплату, но не в размере 5.000 рублей ежегодно, а столько, сколько будут получать и две другие сестры, в зависимости от состояния имения. Он усиленно выдвигал именно эти два пункта: 1) равенство прав всех членов семьи, в котором жена Дантеса не могла занимать особого места; 2) печальное состояние имения, препятствовавшее правильной уплате какой-либо суммы.

Это письмо Гончарова не могло удовлетворить Дантеса. Смерть Екатерины Николаевны в конце этого же 1843 г. вероятно несколько отсрочила его новые попытки получить задержанную сумму от Гончаровых. В 1845 г. он их возобновил, избрав вновь посредника в лице французского консула в Петербурге М-г Walade. Письмо консула к Гончарову (см. приложения, док. № 3) рисует твердую позицию Дантеса в этом деле, основанную на обязательствах 1837 г. Дантес по-прежнему не хотел ставить в связь обещанных денег с состоянием имения и в этом взгляде на характер уплачиваемой суммы крылось будущее его столкновение с Гончаровым.

В ответе Гончарова консулу (см. приложения, док. № 4) сквозит сильное раздражение, вызванное настойчивыми требованиями Дантеса и его нежеланием

считаться с интересами других родственников. Он указывал, что официальное вмешательство властей в дело ничего не может изменить, вновь описывал печальное положение имения и крутые меры, которые он предполагал принять в ближайшем будущем для очистки от долгов хотя бы незначительной его части. Из нее он обещал выделить Дантесу законную его долю: „Мой зять,—писал он консулу,—получит долю своей жены ровно в таком же размере, как и другие сестры, ни более, ни менее, при чем, само собой разумеется, лишь то, что останется, когда долги, приходящиеся на каждую часть, будут уплачены“. Об обязательстве 1837 г. нет и не может быть более речи. В заключении письма Гончаров просит Дантеса терпеливо ждать окончания дела.

После этого письма, относящегося к 14 июня 1846 г., прошло еще два года, полных для Гончарова всевозможными осложнениями и хлопотами в связи с наследством. В 1848 г. он выслал Дантесу сумму в размере 700 рублей, но последний в этом же году затеял через поверенного дело о взыскании причитающихся ему денег и доли наследства.

Выступление Дантеса с официальным иском сильно поразило и возмутило Гончарова. Видеть ближайших родственников среди бесчисленных и безжалостных кредиторов, которые одолевали его своими требованиями, было ему тем более тяжело, что для родной семьи и устройства ее дел он отдал столько сил и времени. Сам он, как старший в роде, был наследником майората „Полотняный Завод“, по закону осво-

божденного от долгов, и мог бы остаться спокойно в стороне от дел по наследству. Но уступая просьбам родных, он еще в 1832 г., двадцатичетырехлетним юношей, взял на себя неблагоприятное и трудное дело — опеку безнадежно разоренного имения. Он пожертвовал для этого своей карьерой, как мы узнаем из одного документа, находящегося в этом же архиве (обращение к кредиторам 1833 г.): „Оставаясь я, Дмитрий, старшим лицом в роде нашем, притом уступив воле родительницы и убеждениям родных братьев и сестер моих, вынужден я был, оставив все лестные для себя виды по службе в С.-Петербурге и при дворе, под'ять, вместо того, всю тяжесть и бремя управления, оставшегося в совершенном расстройстве и при многочисленных долгах, после деда нашего имения“. Выйдя в отставку, Д. Н. Гончаров обрек себя на тяжелую задачу „делать извороты и попечения для спокойствия кредиторов и устройства семейного положения“ (как говорится в другом документе), — задачу, не разрешенную им до самой его смерти в 1859 г.

Претензии Дантеса поставили его в необходимость защищать свою позицию по всем пунктам. Им была составлена большая объяснительная записка, предназначенная для представления в соответствующее учреждение (см. приложения, документ № 5), и ряд специально изготовленных счетов. Признаваясь по необходимости в обязательствах, данных в 1837 г., на которых Дантес продолжал настаивать, Гончаров заметно смягчал их в свою пользу разными оговорками,

что видно при сличении двух редакций объяснительной записки. Особенно он настаивал на равенстве прав всех трех сестер и приводил итоги сумм, выданных Н. Н. Пушкиной-Ланской, А. Н. Гончаровой и Е. Н. Геккерен. Оказывалось, что последняя получила значительно больше, чем две другие, и, следовательно, Дантес менее других имел право претендовать на уплату ему денег. Особенно Гончаров находил нужным подчеркнуть сравнительное положение Н. Н. Пушкиной-Ланской и баронессы Геккерен. „Н. Н. Ланская хотя и равна в правах с Е. Н., а получила только 21.023 руб. 93 коп., почти вдвое меньше, чем Е. Н. —, пишет он в примечаниях к сравнительному счету всех трех сестер. Во всей объяснительной записке заметно явное раздражение против Дантеса. Довольно ядовито подмечает ее составитель то обстоятельство, что Дантес, высчитавший тщательно проценты на задолженную сумму, совершенно умалчивает о 10.000 рублях, полученных в 1837 г. в виде приданого Е. Н. к свадьбе. Гончаров ставит эти деньги в общий счет уплаченных сумм, Дантес же исключает. О том же раздражении Гончарова свидетельствует небольшая карандашная заметка его на обложке одного из счетов. Отмечая себе для памяти необходимость тщательно и осторожно сбалансировать суммы, уплаченные трем сестрам, он пишет между прочим: „Выкинуть из бумаги жесткие выражения, которые по негодованию вырвались по-неволе“.

Текст объяснительной записки составлялся Гончаровым в течение 1848—1852 гг. За это время

Гончаров много раз тщательно проверял счета и изменял выражения записки, стремясь как можно отчетливее показать свою, если не официальную, то внутреннюю правоту и посрамить жестокого противника.

Вряд ли это негодование и волнение раздраженного Гончарова могло сколько-нибудь задеть барона Геккерена-Дантеса, находившегося в зените своей политической и финансовой карьеры. Вряд ли и та сумма, о которой шла речь, была для него особенно значительна. Но он чувствовал себя правым перед законом, требовал только то, что ему были обязаны отдать, что ему принадлежало на законном основании, и, как человек деловой, шел к цели официальным путем—судебным иском. Он сумел также красиво задекорировать свои настойчивые требования: отец четырех детей, он не мог оставаться равнодушным к их интересам и требовал деньги, нужные для их воспитания. Эту причину выставил он в письме к консулу Wadlade, прося о посредничестве.

Документы архива, бывшего в нашем распоряжении, обрываются на 1852 г. Однако и десять лет спустя, 1862 г., наследники Афанасия Николаевича Гончарова все еще не пришли к соглашению в дележе имений и долгов тридцать лет назад умершего деда ¹⁾.

1) „Проект раздела“, составленный в ноябре 1862 г. от лица всех оставшихся в живых наследников Гончаровых. Никаких следов обязательства 1837 г. в этой бумаге нет. Приношу благодарность П. Е. Щеголеву за сообщение мне этого документа, а также за указание некоторых печатных материалов, которыми я воспользовалась в этой статье. В. Н.

К этому времени умер и Дмитрий Николаевич Гончаров; в число наследников были включены и его дети, рядом с детьми умершей баронессы Геккерен. Снова в 1862 г. составлялся перечень всех земель нижегородских и калужских и делились „души“. Огромные долги, падавшие на долю каждого наследника, почти уничтожали собой выгоды наследства. Состоялся ли в 1862 г. раздел имений, и как примирились в конце концов Геккерены и Гончаровы—мы не знаем и в сущности это не важно для целей данной работы.

Для главной действовавшей в ней фигуры—Дантеса, приведенных документов достаточно, чтобы с незатронутой еще стороны коснуться его личности и дать новый материал для его более полной и глубокой характеристики, чем та, которую мы имели до сих пор. Так, по нашему мнению, должны быть оставлены предположения о том, что Дантес всю жизнь мучился угрызениями совести при встречах с русскими людьми¹⁾. Человек, который так настойчиво и лицемерно стремился вырвать свою долю наследства в ущерб семье убитого им поэта, не заслужил их.

В. Нечаева.

¹⁾ См. статью Б. Л. Модзалевского „Новые материалы о дуэли и смерти Пушкина“, изд. Атеней, 1924 г., стр. 14: „Физический убийца—Дантес всю дальнейшую жизнь ощущал на себе упрек лучшей части русского общества. Всякая встреча с новым русским человеком в течение всей долгой жизни Дантеса была для него, без сомнения, тяжела и заставляла его настораживаться и чувствовать новые угрызения совести...“

МОСКОВСКИЙ ПУШКИНИСТ

I

1 8 3 7 — 1 9 2 7

СТАТЬИ и МАТЕРИАЛЫ
ПОД РЕДАКЦИЕЙ
М. ЦЯВЛОВСКОГО

★

„НИКИТИНСКИЕ СУББОТНИКИ“
МОСКВА ↗ 1927